

Кадзухико Савада

Влияние романов И. А. Гончарова на японских писателей в конце XIX века

Studia Rossica Posnaniensia 26, 31-38

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВЛИЯНИЕ РОМАНОВ И. А. ГОНЧАРОВА НА ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

THE INFLUENCE OF I. A. GONCHAROV'S NOVELS ON JAPANESE WRITERS
AT THE END OF 19th CENTURY

КАДЗУХИКО САВАДА

ABSTRACT. In 1888, Futabatei Shimei wrote a translation of a fragment from Oblomov's *Dream into Japanese*, which was the first appearance of I. A. Goncharov in that language. In the arrangement and opposition of characters Futabatei's *Ukigumo (Drifting Clouds, 1887-1889)* and *The Ravine* are basically similar.

Kazuhiko Sawada, College of Liberal Arts, Saitama University, Shimo-Okubo 255, Wrawa Saitama, Japan.

В 1880 году начинается первое знакомство японских читателей с русской литературой. Особенно произведения И. А. Гончарова оказали большое влияние на писателя Фтабатэя Симэя¹, а немного позднее многие из них стали известны японским читателям в переводах. И вероятно, можно сказать, что из русских писателей Гончаров наиболее глубоко связан с Японией и ее литературой. В японской печати имя Гончарова впервые было упомянуто, насколько мне известно, в 1889 году. В статье *Цензура и развитие литературы*, опубликованной во влиятельном в то время журнале „Кокумин но томо” („Друг народа”), Гончаров вместе с Толстым и Тургеневым, оценивается как „чудесный романист”².

В предлагаемой статье я хочу рассмотреть влияние романов Гончарова на первых писателей японской реалистической школы. Причем это влияние сказалось не только в заимствовании особенностей сюжетного построения, но было плодотворным для поиска художественного языка новой литературной школы.

¹ В настоящей статье принят японский порядок написания: на первом месте – фамилия, на втором – имя.

² „Кокумин но томо” („Друг народа”), Токио 1889, № 4-48, с. 4. Автор не известен.

1

В 1881 году Хасэгава Тацуносукэ (1864-1909), известный под псевдонимом Фтабатэй Симэй³, поступил на отделение русского языка Токийского института иностранных языков⁴. Русско-японский договор 1875 года, предусматривающий обмен Сахалина на Курильские острова, возмутил юного Фтабатэя, и он решил изучить русский язык, чтобы в будущем принять решительные меры против „вражеской страны России”. Но случилось так, что язык ввел его в сложно-противоречивый мир русской литературы. Историю русской литературы в институте читал эмигрировавший из России Николай Грей⁵. Он не только глубоко знал предмет, но и был блестящим чтецом. На занятиях студенты слушали произведения русских классиков в мастерском исполнении учителя, а обсуждая услышанное, давали характеристики литературным персонажам на русском языке. Не исключено, что именно этот метод помог Фтабатэю глубже понять и почувствовать русскую литературу. Кроме того, долгие часы он проводил в институтской библиотеке, читая собранные там художественные произведения и критические статьи по русской литературе. Это было увлекательное путешествие в мир Пушкина, Гоголя и Лермонтова, Беллинского и Добролюбова, Тургенева и Гончарова, Достоевского и Толстого.

Во второй половине 80-х годов Фтабатэй дебютирует как писатель и переводчик. Прежде всего, следует назвать написанный в 1887-1889 годах роман *Плывущее облако*, который считается одним из первых японских реалистических романов. В 1888 году Фтабатэй публикует переводы рассказов *Свидание* (из *Записок охотника*) и *Случайные встречи* (*Три встречи*) И. С. Тургенева. Картины природы в *Свидании*, передающие очарование русского леса, произвели глубокое впечатление на особенно жадно впитывающих новое японских молодых читателей. Это были важные уроки для писателей следующего поколения, создавших в японской литературе натуральную школу. И можно сказать, что в начальный период проникновения русской литературы в нашу страну произведения Тургенева были известны гораздо лучше, чем произведения других писателей.

В это же время состоялось и знакомство Фтабатэя с Гончаровым. Фтабатэй заслушивался превосходным чтением *Обломова* на

³ Созвучно „кутабаттэ симаэ”, т.е. „чтоб тебя черт побрал”, выражение, которое он часто повторял в свой адрес.

⁴ Основан в 1873 году.

⁵ По мнению японоведа Г. Д. Ивановой, это известный философ-народник Николай Васильевич Чайковский. См.: Г. Д. И в а н о в а, *Русские учителя*. В: 100 лет русской культуры в Японии, Москва 1989, с. 14-16.

занятиях Грея, а в библиотеке зачитывался *Обрывом*, который впоследствии назвал своим любимым романом. В позднем интервью „Прочитанные любимые книги” (1906 г.) Фтабатэй заметил, что он любит прозу Гончарова за мелодичность звучания, и именно поэтому произведения этого писателя интереснее читать вслух. Безусловно, подобная точка зрения родилась под влиянием уроков преподавателя Грея. А в интервью „Беседа о русской литературе” (1906 г.), имеющем подзаголовок *Романы Гончарова*, есть такие строки:

„...что касается Гончарова, его последовательная манера повествования рисует, в какой среде вырос герой, какой он прошел путь, в результате которого у него сформировался такой-то характер, и так как у него такой-то характер, то он, в таком-то случае, не мог не поступить так-то...”⁶.

Я, признаться, не встречал столь лаконичного и точного определения своеобразия писательской манеры Гончарова. По мнению Фтабатэя, одна из стилистических особенностей Гончарова состояла и в частом употреблении философских и научных терминов, которые, однако, все без исключения поэтически осмыслены. Далее, рассуждая о сложностях идущего от реформ Петра Великого спора между славянофилами и западниками, Фтабатэй говорит, что роман *Обрыв* написан под влиянием этого спора. Можно только восхищаться, насколько глубоко Фтабатэй понял Гончарова.

Во второй половине 1880-х годов, кроме Тургенева, Фтабатэй переводит и два произведения Гончарова. Одним из них был отрывок из *Сна Обломова – Детство*. Сохранившийся черновик перевода, сделанный приблизительно в июле-августе 1888 года, можно считать первым переводом Гончарова на японский язык. И если вспомнить, что в 1888 году автор *Обломова* был еще жив, то вряд ли можно переоценить роль Фтабатэя в деле знакомства Японии с русской литературой. Вероятно, этот перевод сделал с книги А. Филонова *Русская хрестоматия с примечаниями для высших классов средних учебных заведений*, ч. 1, *Этическая поэзия*⁷, которая была в библиотеке Токійского института иностранных языков и использовалась как учебное пособие для четвертого и пятого курсов на занятиях по грамматике, риторике и истории литературы. И хотя мы имеем возможность говорить только о черновике, переведенный отрывок, в основном, верен оригиналу и представляет точный перевод, в котором преобладают обороты разговорной речи. Послед-

⁶ С. Фтабатэй, *Полное собрание сочинений*, т. IV, Токно 1985, с. 190. Здесь и далее перевод выполнен мною.

⁷ Изд. 5-е, знач. испр. Санкт-Петербург 1875. Сохраняем орфографию оригинала.

нее представляется особенно значимым. Ведь одной из важных и одновременно сложнейших задач, стоящих перед японскими писателями в последнее 20-летие XIX и первое десятилетие XX века, было создание национальной литературы на народном разговорном языке. И безусловно, одним из достижений Фтабатэя следует считать то, что в романе *Плывущее облако* достигнуто единство литературного и разговорного языков. Фтабатэй полагал, что зарождение новой литературы непосредственно связано с усвоением опозитивированных вульгаризмов, которые он использовал в переводе наряду со специфически японской лексикой. Кроме того, в переводе *Детство* можно наблюдать и речевые повороты. В интервью 1906 г. „Мои принципы художественного перевода“ Фтабатэй отмечал, что он стремился путем повторения одних и тех же словосочетаний передать ритмическое своеобразие европейского литературного текста, по сравнению с которым японский текст звучит монотонно. А система речевых повторов, по мнению Фтабатэя, как раз и позволяла внести мелодическую живость оригинала в монотонную японскую фразу.

Другим переводом из Гончарова, сделанным вслед за *Детством* в августе-сентябре того же 1888 года, был *Перевод первой части второго тома „Обрыва“* в записной книжке *Кутиба (сухие листья)*. Книга первая. Это перевод начала первой главы третьей части *Обрыва*, выполненный в сугубо книжном стиле. Там излагается мировоззрение Райского, как умеренного либерала. В записной книжке *Кутиба* есть еще 4 отрывка из *Обрыва*, которые, строго говоря, являются наполовину переводами, а наполовину собственными сочинениями Фтабатэя. В той же записной книжке Фтабатэй признается, что „очень трудно описать психологию или страсть“⁸. И можно предложить, что эти полупереводы есть своего рода модель, образец дописания психологии или страстей. Но если учесть время этих переводов-опытов, то очевидно, что они тесно связаны с романом *Плывущее облако*.

Действие романа происходит в Токио приблизительно в 1886 году. Уцуми Бундзо, сын давно умершего мелкого провинциального самурая, – двадцатитрехлетний талантливый юноша, не сумевший приспособиться к практической жизни чиновника. Он живет на иждивении своего дяди Сонода Магобэя. В доме отсутствующего хозяина живет его жена о-Маса – мелкая и корыстная женщина, и дочь о-Сэй – легкомысленная и поверхностно европеизированная девушка. После того, как Бундзо уволили со службы, о-Маса тотчас круто меняет свое отношение к неудачнику, о-Сэй тоже посте-

⁸ С. Фтабатэй, *Полное собрание сочинений*, т. V, 1986, с. 25.

пенно переносит свое внимание с Бундзо на Хонда Нобору, его бывшего сослуживца и ловкого карьериста. Бундзо презирает филлистера Нобору и пробует предостеречь о-Сэй от опасности встреч с ним, но безрезультатно. Беспомощный, не знающий, что предпринять, Бундзо целыми днями сидит один в своей комнате, терзаемый сомнениями и душевными страданиями. На этом *Плывущее облако* обрывается. В записной книжке *Кутуба* есть набросок задуманного, но не написанного автором окончания романа: Нобору обольстит и бросит о-Сэй, а Бундзо из-за разочарования и личного несчастья сойдет с ума.

Вернемся к переводам Фтабатэя. *Перевод первой части второго тома „Обрыва“*, видимо, способствовал созданию образа Бундзо. Это касается остальных переводов, то образ Райского, тревожащегося за Веру, соответствует образу Бундзо, беспокоящегося об о-Сэй, а сцена, в которой Райский страдает над обрывом после того, как помог Вере пойти на свидание с Марком, соответствует эпизоду в предполагаемой третьей части *Плывущего облака*, как „Бундзо идет следом за о-Сэй, чтобы удостовериться в том, что она входит в частный пансион Хонда” или в „тайной встрече Хонда с о-Сэй. Despair”⁹.

Связь *Обрыва* с *Плывущим облаком* этим не исчерпывается. Как признается сам Фтабатэй в уже упоминавшемся интервью „Беседа о русской литературе”, в *Плывущем облаке* он попытался повторить стиль *Обрыва*, и это стилистическое сходство очевидно. В интервью „Слово о муках творчества” (1897 г.) Фтабатэй подробно анализирует переплетение сюжетных линий своего романа и соотносит их с романом Гончарова: в противопоставлении о-Маса с Бундзо и о-Сэй автор видит столкновение новых и старых идеалов японского общества, то есть, расположение и противопоставление действующих лиц в обоих романах по существу совпадают: Райский и Бундзо, бабушка и о-Маса, Марк и Нобору, Вера и о-Сэй. Главная героиня каждого из романов по-своему ищет себя, словно „плывущее облако”, между тремя другими героями. Так Вера „бросается с обрыва” между новым и старым поколениями; любя Марка, она вскоре отступает от своей любви, а о-Сэй переносит свое внимание с Бундзо на Нобору, который бросает ее.

В *Плывущем облаке* также показано, что детство Бундзо и о-Сэй наложило, каждое по-своему, определенный отпечаток на их характер. Такой взгляд на развитие личности, разумеется, свойствен русской натуральной школе первой половины XIX века, но вместе с тем, думается, что он сложился по преимуществу под влиянием

⁹ Там же, с. 40.

Гончарова: вышеприведенное высказывание Фтабатэя в *Беседе о русской литературе* очевидное тому свидетельство.

Несомненно, что персонажи *Плывущего облака* по своему содержанию гораздо ограниченнее и зауряднее „прототипов” из *Обрыва*: Бундзо „больше к лицу, когда он извиняется перед кем-то: он не решится упрекнуть кого-либо”, а о-Сэй „по натуре легкомысленная болтушка”¹⁰, и „образованность” ее поверхностна. Но и в этом тоже проявляется пронизательно-бесстрастный реализм, пристально всматривающегося в японское общество 1880-х годов, только что вступившее на путь современного развития. Тем более, что Фтабатэй не видел в обществе такой личности, как Тушин, которого Гончаров очень ценил. Возможно, отчасти и поэтому задуманный финал *Плывущего облака* так и не был осуществлен, роман остался незаконченным. Однако незавершенность романа, вынужденное изменение сюжета образца (имею в виду роман *Обрыв*) как результат неустойчивости, неопределенности самого японского общества составляют, без сомнения, не только оригинальность *Плывущего облака*, но и предопределяют то значение, которое имел роман для дальнейшего развития нашей литературы.

2

Говоря о переводчиках произведений Гончарова на японский язык, вслед за Фтабатэем следует назвать Ядзакэ Синсиро (1863-1947), известного под псевдонимом Саганоя Омуро. Саганоя поступил на отделение русского языка Токийского института иностранных языков на пять лет раньше, чем Фтабатэй и в 1887 году дебютировал как писатель. Он много переводил из Тургенева и других русских классиков и вместе с Фтабатэем способствовал знакомству японских читателей с русской литературой в самый начальный период ее проникновения в Японию.

В 1894 году Саганоя опубликовал под заглавием *Детство Обломова* перевод отрывка из *Сна Обломова*, который можно считать первым (публикация) переводом из Гончарова, поскольку перевод Фтабатэя – *Детство* увидел свет лишь в 1913 году. Оригинал для обоих переводов послужила, по всей вероятности, хрестоматия, составленная Филоновым. И Фтабатэй, и Саганоя выбрали один и тот же отрывок из *Сна Обломова*, однако перевод Саганоя почти вдвое короче. Внимательное сравнение позволяет заключить, что Фтабатэй гораздо более верен оригиналу, чем Саганоя, в переводе которого находим немало произвольно сокращенных мест, то есть

¹⁰ Там же, т. I, 1984, с. 140, 17.

Фтабатэй относился к работе над художественным переводом с большей строгостью, чем Саганоя. Но несмотря на это, *Детство Обломова* (перевод Саганоя) пользовалось популярностью, причем современному читателю даже импонировала эта „авторизированность” перевода. В одной рецензии 1864 г. на перевод читаем: „...это больше не *Обломов* Гончарова, а несомненно *Обломов* Саганоя...”¹¹.

В 1897 году в другом журнале появился роман Саганоя *Жизнь обыкновенного человека*, который представляет собой перенос на японскую почву сюжета *Обыкновенной истории*. Фабула романа Саганоя коротко сводится к следующему:

Тамура Ёснаки, единственный сын богатого крестьянина, избалованный прислугой и любящей матерью, вырос барçonком. Он увлекся „литературой” и с самозабвением посылал свои стихи в местную газету. В возрасте 24 лет Ёснаки решил поехать в Токио, чтобы учиться и стать великим поэтом. Там жил его дядя Тамура Будзаэмон. Он в молодости покинул родные места и, нажив состояние, теперь управлял заводом. В противоположность Ёснаки дядя – человек прозаичный и убеждает племянника в пользе наживы, предлагая тому „живые дела”. Затем повторяется мотив столкновения племянника и дяди с последующим разочарованием первого. Вскоре Ёснаки оставляет надежду стать поэтом и поступает на службу в фирму дяди. Он увлекается гейшей Косин, но спустя какое-то время замечает, что та обманула его. Чувствуя острое отвращение к столице, Ёснаки возвращается на родину. Там продолжается холостая жизнь молодого человека, которая причиняет немало беспокойства его родственникам, поэтому они решают его женить. Роман заканчивается сценой, происходящей спустя несколько лет, когда Ёснаки вместе со своей семьей приезжает в Токио и там снова встречается со старыми дядей и тетей.

Сходство с *Обыкновенной историей* очевидно, но, разумеется, есть и различия. Например, Ёснаки, в отличие от Александра Адуева, не ступил окончательно на путь своего дяди; образ Наденьки, возлюбленной Александра, общественно остро полемичен, а Косин же – просто гейша, искушающая неопытного героя. И здесь можно заметить различное отношение к литературе Саганоя и Фтабатэя: первый, „пересаживая” в Японию действующих лиц и ситуации русских романов, создавал одну за другой их вариации, а второй не смог закончить *Плывущего облака* как „переделку” *Обрыва*.

¹¹ К. М., *Последние события у Саганоя*, „Ураниски” („Скромность”), Токио 1894, № 19, с. 59.

Еще следует заметить, что в первой главе *Жизни обыкновенного человека* Саганоя подробно рассказывает о „семье и воспитании” героя. И эта глава, несомненно, есть не что иное, как реминисценции из аналогичного отрывка из *Сна Обломова*, в том числе и переведенного самим Саганоя. То есть, строго говоря, роман является своего рода японским вариантом *Обыкновенной истории* и *Сна Обломова*. Однако, в отличие от более раннего перевода *Детство Обломова* роман *Жизнь обыкновенного человека* не пользовался популярностью.

Приносим благодарность преподавателю университета Сайтама Алле Викторовне Хамано (К.С.).